

КАТ КАТОВ

НЕНОРМАТ

СТИШКИ И ПЪЕСКИ

САША + МИША =

Ну ты и

18+

Кат Катов

Ненормат

«Издательские решения»

Катов К.

Ненормат / К. Катов — «Издательские решения»,

А не стоит вам читать эту книжку, если вы не переносите мат в жизни и литературе. Нет, правда, — зачем себя расстраивать? Смело и гордо пройдите мимо. Никаких обид. Вот только обсценная лексика существует в природе. И если она является не самоцелью, а устойчивым уже (увы!) расширением языковой нормы, то отчего бы нам пугаться её употребления в печатном виде? Взрослые же все люди. На самом деле в книжке не так уж и много мата. Просто он там есть. Вот и всё.

© Катов К.

© Издательские решения

Содержание

Стишки	6
К Мунку	6
Бессонница	7
В коридоре	8
В отключении	9
Сибирское	10
40 градусов	12
Освобождение	13
Где-то	14
Переход	15
# # #	16
###	17
Восточное	18
Новогодняя бухгалтерская	19
Развод	20
На поправку	21
Маша и лифтик	22
Мушкетёрское	23
Якорь	24
Пейджер	25
Этапное	26
Побег	27
Отповедь	28
Предзимнее	29
Жанна	30
Календарное	31
К Башлачёву	32
Карниз	33
Вопросник	34
# # #	35
Папироска	36
Эпитафное	38
Сонетик	40
Звонок	41
Скрепочка	43
Ожог	44
Хорошие пьески	45
Башлык	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ненормат
Стишки и пьески
Кат Катов

© Кат Катов, 2015

© Андрей Машанов, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТИШКИ

К Мунку

Потому что в комнате не было гвоздя,
Ванька не повесился, стенку бороздя.
Ванька не повесился, а ушёл в запой.
Утром было весело, после – волком вой.

Волком ли, собакою, бешеной лисой
или же заплаканной совестью босой.
Вой катился по ветру и пугал ворон,
возвращался в сумерках с четырёх сторон.

Гас в тиши, не слышимый больше никому, —
то, что птицы слушают, люди не поймут.
Лишь деревья охали, в небо громоздятся...
Всем плевать, что в комнате не было гвоздя.

Бессонница

Когда по жизни всё легко,
удача ломится,
с ночным попутным ветерком
придёт бессонница.

Она ругнётся матерком
и ляжет около.
И позабытым холодком
потянет по полу.

И станет всё вдруг непростым
и грустным делом —
как будто залпом холостым
жизнь просвистела.

Как будто это был не ты,
а кто-то лишний.
Чужие вздорные мечты
прошли и вышли.

А ты лежишь сейчас вот здесь —
ты вдруг попался.
Совсем другой – такой, как есть,
а не казался.

Ошибок тянется поток
печальной конницей...
Дымок пуская в потолок,
лежит бессонница.

Лишь коньяком смахнёшь её,
сведёшь из дому.
Она, как то хулиганье,
Пойдёт к другому.

И станешь жить, дружить с вином —
всё по-простецки.
С хорошим и здоровым сном,
почти мертвецким.

В коридоре

Поступив в сумасшедший дом,
не жалею ни о чём, мой милый.
В нём тепло и уютно в нём,
и не все тут кругом дебилы.

Здесь сиделки смиренны как шёлк,
доктора участливы тоже.
Человек человеку волк?
Ну зачем ты меня по роже?

Человек человеку друг,
человек человеку братик.
Вот те саечка за испуг.
Испугался, поплакал? Хватит.

Полежишь, микстуры попьёшь,
станешь смиренным, полезным даже.
Ничего, это нервная дрожь.
Ничего, это только сажа.

Это копоть чадающих дней, —
тех, которые миновали.
Ты горел в камерке своей,
ты в ней бредил какой-то далью,

всё стремился за горизонт,
посвящал сонеты кому-то...
Я-то знала, что это понт,
понт, рассчитанный на минуту.

Ты не слушал меня, родной, —
так любил, как кричат немые.
Не помог тебе голос мой.
Пусть поможет лоботомия.

В отключении

А вот лежишь в отключке —
и очень хорошо.
Летают где-то лётчики
и спутники ещё.

Шахтёры добывают
своей стране угля.
Китайцы прирастают,
вращается Земля.

Пенсионеры где-то
страдают в этот час.
В Большом идут балеты.
А Бродский – три-два-раз,

и Евтушенко тоже,
и все вообще кругом.
Там кто-то с наглой рожей
чужой присвоил дом,

здесь клоуны рыдают,
там весело в гробу.
За поворотом Каин
дудит в свою трубу.

Кругом течение жизни,
бурлеск и суета.
И лишь тебе всё это
сегодня до болта.

Тебя закоротило
и вышибло к чертям.
А ток к чужим могилам
течёт по проводам.

И хрен с ним, пусть мотает
он цифры киловатт.
Обугленные знают,
чего они хотят.

Сибирское

«По итогам последней переписи населения слово „сибиряк“ в графе „Национальность“ побило все рекорды».
Журнал «Эксперт»

Вдруг вопрос заметался в воздухе —
не к добру эти истины низкие —
вы зачем утверждаете, олухи,
что не русские, а сибирские?

Отчего не радуете, мерины,
за Россию с берёзками близкими?
Ведь казаками вольность посеяна,
на глухих на просторах сибирских.

Вам и речь, и история дадены
пушек залпами канонирскими.
Что за блажь, отвечайте, граждане,
быть не русскими, а сибирскими?

Почесав под треугом проплешину
и напялив часы «Командирские»,
я отвечу вам, русичи лешие,
отчего мы такие, сибирские.

Оттого, что достали вы, братия,
телевизором с песнями склизкими,
депутатами вашими, партиями
и законами антисибирскими.

Пусть дома на Рублёвке у публики
не высокие и не низкие
за пятьсот миллионов рубликов.
Деньги – русские, нефть – сибирская.

Потому что давно у вас, милые,
в жилах кровь не простая – вампирская
и в глазах только цифры унылые.
А у нас ещё – сосны сибирские.

Нет, конечно, не все вы исчадия.
есть средь вас и морально нам близкие.
Так вколите противоядие,
растворитесь в просторах сибирских.

А коль нет, обретайтесь в Московии —

хоть в тамбовской, а хоть и в башкирской.
Если так вам сподручней, толковее,
но оставьте нам наше, сибирское.

Бездорожное, стылое, дикое,
неуютное, дезертирское,
староверчески-тёмноликое.
Одним словом, не ваше – сибирское.

И живите себе по-расейски, —
мы дадим вам и нефти, и стали.
Не чужие вы нам, европейские,
только, видите ли, достали.

40 градусов

Законопаченные улицы
встречают утренний мороз.
Подслеповато город щурится
сквозь призму стынущих берёз
на человек, что торопятся
попасть в присутствие, пока
машин сверкающая конница
из пробки вырвалась слегка.
И фары противотуманные,
совсем не лишние сейчас,
мерцают точками обманными
и в этот раз, и в этот раз.
За светофором замороженным
уходит в будущее блик
грядущих дел, в компьютер сложенных
и ждущих исполнения их.
И граждане окоченевшие,
переступив тепло и лень,
преодолев мороз, успешно
впрягаются в рабочий день.

Мы с псом им, бедным, не завидуем,
хоть и желаем всем добра.
Но мы на отдыхе. И, видимо,
я выпью водочки с утра.

Освобождение

Если в тюрьме твоего стоп-анализа
вдруг появилось к себе отвращение,
не хрен выдумывать горькие паузы —
только отмщение, только отмщение.

Пусть подсознание жалко и сумрачно
тихо визжит: «Есть другое спасение», —
в морду ему, как бывалоча в рюмочной —
на! – чтоб побои и чтоб нанесение.

В звон же аккордов, скулящих от жалости,
той, что вращает прощенье, прощение,
вдруг диссонансом вползает по малости:
«Невозвращение, невозвращение».

Невозвращение к бешеным радостям,
к бывшей любви, бывшей месторождением,
к той, что терпела из крайней из жалости...
Опровержение, опровержение.

Именно так: «К сожаленью, ошибкою
было счастливого мира кружение.
Да, признаю». И с тоскливой улыбкою
молча пойти в перевооружение.

Временно сдохнуть до реинкарнации
(тутошной, а не грядущей в забвении),
выдохнуть прошлые все девиации
и не качаться пустым отражением

в зеркале. Крест из осины, чеснок ли
вряд ли добавят чего в отношения.
Мокрый, унылый ноябрьский снежок
ждет поднесения опустошения.

Всё непременно исходом дано —
ярким и мрачным изображением.
Как про войну, что случилась в кино —
освобождение, освобождение.

Где-то

Славке Зимбулатову

Тают снега, обнажая вершины
невозмутимых гор.
Значит, весна и кончается длинный
магометанский год.

Небо седое от зноя и пыли,
жёсткого солнца лучи.
Но не забыли, пока не забыли
мы мартовские ручьи.

Где-то капель ксилофонит по нотам
добрых весенних дней
за поворотом, за поворотом
жизни твоей и моей.

А на прямой, что сейчас перед нами
тонкая, как струна,
то громыхают обстрелы в Баграме,
то в Гульбахоре война.

Ночью подъедет бэтэров пара
из разрывов вдали:
топот за дверью, крик санитаря:
«Раненых привезли!».

Значит опять на носилках в приёмном
в кровью залитом хэбэ
парни лежат и в сознании полном
молятся судьбе...

Это, дружище, будто не с нами было:
песчаный блюз,
жгучее солнце, пыль под ногами,
Новый год как Новруз.

Переход

Переменный ток, переменная жизнь,
Перемена школьная первая.
Переменный слог, перевернутый лист, —
Перевернутый напроочь, наверное.

Перекошенный луг, перепаханный лог,
Перепутанный мир в сознании.
Перекупленный друг, перепроданный Бог,
Перепроданный кем-то заранее.

Пережитком дождь переходит грань
Перемены меж ливнем и моросью.
Перманентный вождь предвещает брань
Пересвета с ордынскою волостью.

Переводчик врёт – перевода нет:
Перевода русского с русского.
Перестрелян влёт мёртвый интернет
Перестрелкой гуннов с этрусками.

Перебита кость, перепит сосед,
Переезжена линия встречная.
Переспавший гость поношает вслед
Переростка с вопросами вечными.

Пероральный смог поражает мозг
Перепадами настроения...
Перезревший сок, перегретый воск,
Перебитое поколение.

Перейду на Вы, переход – ничто,
Переход – пешеходово творчество.
Перехода, увы, не заметит никто.
Одиночество, одиночество.

#

Пошёл топиться. Не сумел,
а возвращаться не хотелось.
Светало. Грезилось и пелось.
И плакал. Плакал и взрослел.

###

если ёлке отрезать ногу
или глаз удалить допустим
то она инвалидом станет
ведь идет разговор о певице

если выпустить в небо волка
он летать высоко не сможет
попытается волк конечно
но не факт что успешней енота

если девушка выпила в баре
то не нужно звонить ее маме
или даже искать полицейских
это козырь на долгие годы

если встретишь мизулину утром
не крестись а достань из кармана
ты флакон со святою водою
то-то будет прохожим потеха

если ногти подстричь элегантно
сделать модную стрижку и пирсинг
то ты гопником быть перестанешь
предав сущность пассионаризма

если бросить дышать свежим клеем
пить курить и соседку алёну
то вполне можно стать бобслеистом
и поехать на олимпиаду

Восточное

Нам с тобой не впервой, как водится,
жить вне времени и вещей.
Просто вновь за окном находится
королевство серых мышей.

Неприметное, тошное, тусклое,
некурящее и вообще
непохожее очень на русское
королевство серых мышей.

Где главенствует вошь чиновничья,
вся в законах для корешей —
тех, которых в погонах полковничьих
королевства серых мышей.

И ведь кажется, что летящее,
всё цветное для глаз и ушей
жило время, не предвещавшее
королевства серых мышей.

Что ж теперь горевать о пройденном?
Это просто такое клише:
утверждать, что несчастная родина —
королевство серых мышей.

Ничего, мы нашли здесь себе ночлег,
научились жить невпопад...
За окном вырастает из сумерек
серый, липкий, родной Ашхабад.

Новогодняя бухгалтерская

Раз в году подводятся итоги,
раз в году балансовый отчёт.
Все печали, встречи и тревоги
закрываю на переучёт.

Закрываю двери расстояний,
перестану жить на сквозняке
сутолок, вокзалов, расставаний,
перекрестьем жилок на виске.

Зачеркну ненужные кредиты,
выплачу последние долги.
Снова чашка кофе недопита,
безразличны и не злы враги.

Суету разлук и грех ошибок
оставляю в прожитом году.
Но расчёт настолько слаб и зыбок,
что концов с концами не сведу.

На приход поставлю битый опыт,
а в расход – умение мечтать.
За окном светлеет неба копоть,
и уже кончается тетрадь...

Не терять в снегу свою дорогу,
не ронять пустых напрасных слов.
На моём балансе слишком много
давних, неоплаченных счетов.

Развод

До свиданья, моя Одесса,
жаль, что так пришлось расставаться.
Остаётся теперь из кресла
в телевизоре ждать «Ликвидацию».

Прощевайте, Киев и Харьков, —
я в вас был и там было мило.
Вы являли собой подарки
русофобам и русофилам.

Львов, Полтава, Донецк и Припять,
Шепетовка, Луганск, Николаев, —
так и хочется с вами выпить
посошок по одной, по крайней.

Закурив, присесть на дорожку,
помолчать, забыв о скандалах.
Мы же, в общем, были хорошие.
нам же, в общем, всего хватало.

И поднявшись, направиться к двери,
окончательной, неотступной.
И спиною просить доверия,
понимая, как это глупо.

Но предательства не искупишь,
даже если уходишь гордо,
если раньше твердил, что любишь,
а потом – с размаху по морде.

Вот и всё. И идёшь как в рубище,
пряча стон из последних сил.
Ничего не изменится в будущем.
Ничего. Ты сам заслужил.

Много лет спустя на рассвете
вдруг с тоской наберёшь Житомир.
Но холодный голос ответит:
«Не звоните сюда. Он помер».

На поправку

Время лечиться от долгой болезни —
путаной, жаркой, слепой лихорадки.
Время опять становится полезным —
чётким, спокойным, логичным и кратким.

Время разбрасывать камни, которых
вдруг за душой накопилось немало.
Выбросить взрывом тоску мониторов —
лишь бы другому во вред не упало.

Хватит, вставай, брат, — был вынужден симками
горькое черпать чужое снадобье.
Грезил виденьями, памятью, снимками,
грезил — и всё это были подобья.

Нет ничего, что должно задержаться
там, в миокарде, истрёпанном болью.
Чтобы нейронов потом папарацци
в мозг не тащили картины юдоли.

Кончилось всё, пусть и не начиналось.
Кончились спазмы, страдания и стрессы.
Если же вирусы где-то остались, —
веником в бане изгнать, словно бесов.

Завтра ты станешь разумным и твёрдым.
Гордым. (Ах, боже ты мой, снова гордым!)
Печень забудет о прошлых невзгодах.
Кости не будет ломить к непогоде.

Что до причины болезни — ну что же,
пусть у неё всё срастётся как нужно,
пусть подойдёт неслучайный прохожий,
пусть без проблем завершится окружность...

Всё, решено. Завтра встану здоровым,
выйду в реал — и увидимся, братцы,
там, где легко, где не держат оковы...
Только бы час до утра продержаться.

Маша и лифтик

Тра-та-та, тра-та-та,
вышла Маша из лифта.
Лифт уехал далеко,
Маша дышит глубоко.
Из груди рыдания:
«Лифтик, до свидания!
Ты летишь сейчас туда,
где не ходят поезда,
не летят ракеты,
милый, милый, где ты?
Возвращайся, буду ждать
даже через месяц,
пусть лифтёры на меня
всех собак повесят —
всё равно я буду здесь
тихо жать на кнопку,
буду пить здесь, буду есть,
буду морщить жопку
на ступенях ледяных,
лишь бы ты вернулся,
избежал врагов лихих,
к небу прикоснулся.
Я ль тебе не хороша?
Лифтик, тут всё наше...»
Сигареты, что смешат,
подвернулись Маше!

Мушкетёрское

И на обломках самовластья
напишут наши имена.
Страна, причудами полна,
исторгнет вздох глубокий счастья
и скажет: «Грёбанный компот,
какие правильные люди
вертели власть в протестном блюде,
и автократии оплот
издох благодаря фейсбуку.
Держи, товарищ, нашу руку,
бери нас, ватных, на поруку
и смело двинемся вперёд.
Туда, где рынок и свобода
нас встретит радостно у входа,
который раньше выход был».
Так мнилось мне, револьсьёнеру,
в душе почти что Робеспьеру,
пока я водку с пивом пил.
Но зелье кончилось неожиданно
и морок спал с закрытых глаз.
Я вновь обычный пидорас
с тупой усмешкой Д'Артаньяна...
Как странно, милая, как странно.
В последний раз, в последний раз.

Якорь

Держаться – такая моя непростая задача.
Держаться, когда отрывает от ветра башку.
Держаться, держаться, держаться – иначе
лежать потерпевшим на том бережку.

Туда гонит шквал жизнью битую шхуну —
на скалы крушения ветхих надежд.
Накрыло посудину южным тайфуном,
срывающим парус цивильных одежд.

Вгрызаться в гранит утомлённым металлом,
на смычках дрожащих распугивать рыб.
И помнить: кораллы, кораллы, кораллы
всё сделают, чтоб ты красиво погиб.

Держаться. Скулить про себя, но держаться.
Ты крайняя степень паденья на грунт.
Упасть и отжаться, упасть и отжаться, —
а как не отжаться? На палубе бунт.

Команда отчаянья, вся в аркебузах,
готова порвать капитана и юнг.
И Фрейда отправить купаться к медузам,
и Юнга спустить в корабельный галюн.

А ветер ударил с удвоенной силой,
и цепь оборвалась, как злая струна.
Несёмся на рифы безвестной могилы,
на скалы непрошеной памяти, на...

Пейджер

Ах, девяностые, лихие,
безумные, сторожевые.
Бабло гуляет по России,
а мы такие молодые...

Пенсий ждут пенсионеры,
шмотки возят инженеры,
касками стучат шахтёры,
рубль – взял почти и помер.

ЕБН, Мавроди, Авен,
Хакамада, Листьев, Кох.
Нет фамилии Аршавин,
есть фамилия Титов.

Пацаны, стрела, разводка,
рэкет, лохи и быки,
«амаретто», пиво, водка,
крыша, палево, венки.

Бартер, ваучер, валюта,
«сникерс», биржа, фильма «Брат»,
референдум, виза, смута,
траст, Чечня, электорат.

Понт, «тойота», «Doom», прокладки,
Gorky Park, прикид, шансон,
бакс, с дефолта взятки гладки,
видеомагнитофон...

Нынче всё не так, как прежде, —
вождь, духовность и безнал...
Кто не помнит слова «пейджер»,
тот свободы не видал.

Этапное

Население шло по этапу,
был невесел весенний этап.
У католиков выбрали папу,
будто мало у них этих пап.

Ким Чен Ын угрожал ойкумене,
веселился и пел его штаб.
И Обама сидел на измене.
«Пусть сосут», – огрызался этап.

На обочинах лузгали семки,
матеря всех очкастых растяп:
«Хорошо бы поставить их к стенке,
не туда ли ведёт их этап?»

Был конвой правоверен и злобен,
по-владимирски скучен и ряб.
Спотыкаясь в ухабах колдобин,
к горизонту стремился этап.

Весь в красивых наколках на теле,
от дороги тяжёлой ослаб,
он ногами ступал еле-еле —
не доевший баланды этап.

Обессиленный лёг он и замер
под молчанье зловещее баб.
Весь такой исторический ламер —
современный российский этап...

Матюгнётся студенточка «фак ю!»
в свете зала читального ламп,
просмотрев на грядущем истфаке
два абзаца про здешний этап.

Где стабильности полная шляпа
и духовности пошлый масштаб...
Население шло по этапу.
Был невесел весенний этап.

Побег

День-ночь, день-ночь,
тиканье часов.
Шаг прочь, шаг прочь,
двери на засов.

Уйти, уйти,
не мешать жить.
Позади, позади
порванная нить.

Чуть свет, чуть свет
выйти на перрон.
От бед, от бед
сесть в пустой вагон.

Там где, там где
ярки краски дня,
там нет, там нет
больше нет меня.

Летит, летит
за стеклом дождь.
Нелепых обид
в кассу не вернёшь.

Опять, опять
пусто за душой.
Не дать, не взять
и хоть волком вой.

Прочь-вон, прочь-вон —
мысли в пустоту.
Качает вагон
позднюю звезду.

Отповедь

Ни света, ни отблеска, ни тишины
на плясках тепла и покоя.
Последней крапивою обожжены
остатки любви и левкоя.

Труба задохнулась в победном глотке
фальшивящего оркестра.
Уходим с оглядкой, бежим налегке
как будто украли невесту.

Нет гордости плача и нет палача,
с невыплаканными слезами.
И некого в фарш порубить сгоряча,
столкнувшись в проулке глазами.

Октябрь-забияка нам хлещет в лицо
тоскливой дождливою плетью.
Мы молча покинем чужое крыльцо,
мы просто чужие оплетья.

Никто не задержит, никто не вернёт,
никто никого не осудит.
А ветер тревожную песню поёт,
которая точно погубит.

Мы все умираем в чужой глубине...
Читатель, а ты не тупица?
Ты ищешь в бессмысленной этой хуйне
от Бродского, что ли, крупницы?

Да ты, я гляжу, ценишь гения труд,
не чужд ты изяществу слова.
Я эту херню написал в пять минут, —
не Вера я, чай, Полозкова.

В фейсбуке поэт каждый третий, считай,
тут много искусников слога.
Иди, вон, Прилепина, что ль, почитай,
а лучше – любого Толстого.

Предзимнее

Пустое неяркое солнце —
примета осенних хлопот,
когда на зиму поворот.
И хочется выпить до донца
тебя. Чтоб осталось внутри
спокойствие мёртвого снега,
застывшего в глупости бега,
налипшего на фонари.
Он стает, конечно, слезами
ноябрьских бешеных дней,
проложив пунктиром огней,
отверстия под образами.
Закончился святости срок,
не выдержав тяжести ноши.
Ты больше не будешь хорошей,
ты просто последний урок,
невьученный, неповторённый,
незаданный даже. И вот
никто никуда не придёт.
И снегом приговорённый
декабрь стоит у ворот.

Жанна

Весь прошлый год, сходящий на исход,
я прожил нездоровым человеком —
таким полуконтуженным калекой,
хоть выглядел совсем наоборот.

Смеялся, пил, вертепствовал посылно,
все грани года пробуя на вкус.
А жизнь, как рубль, всё меняла курс
с устойчивого вновь на нестабильный.

Какой бы курс ни проложил куда,
мозг возвращался в заданную точку.
И эта точка была очень точно,
как Костя Цзю в известные года.

Счёт рефери отсчитывал не раз
(его ж не бьют, он только наблюдает
оттуда, где про нас всю правду знают).
Нокаут не случался. Свет не гас,

не отключалось тусклое сознание.
Оно терпело хук и апперкот,
и новый напряжённый поворот
взбесившегося напрочь мироздания.

И вытерпев всё, сесть бы в самолет,
чтоб улететь от постоянных стрессов,
не позабыв заметить стюардессе:
«Ну что же, здравствуй, Жанна. Новый год».

Календарное

Восемнадцатого, под вечер,
во дворе шелестели листья.
Ты сжимала себя за плечи,
напряжённая, словно выстрел.

Девятнадцатого, наутро
в спальне свет находил детали.
Речка Кама текла, как сутра,
бодхисаттвы ее читали.

Двадцать пятого было хмуро,
дождь то шпарил, то просто капал.
Скучной нравственности цензура
сутки губы не мяла кляпом.

А тридцатого время встало
мёртвым штилем в тени акаций.
Не моргали часы вокзала.
Тебе ехать. Мне оставаться.

К Башлачёву

«Вы все между ложкой и ложью», —
пел СашБаш когда-то тревожно.
Ложечки нашлись под кроватью,
ложь оделась в бальное платье.

Но осадок чёрный остался,
палачи в нём кружатся в вальсе,
в нём живут и грезят войною,
выпадают сыпью чумною.

Озверевший мир нараспашку,
карта повернулась рубашкой.
Там, где дама пик рисовалась,
лишь шестёрки самая малость

олицетворяет свободу.
Козыри в чужую колоду
прифартили. Вот и попёрло
так, что хрип вбивается в горло

сапогом смазным да державным.
Ты хотел быть с ними на равных?
Распишись за грошик в жестянку
да ступай в родную землянку.

Обернись у входа на стадо,
марширующее к вратам ада
да под лай пастушьих овчарок.
И опять к себе, брат, на нары.

Черпай ложкой полную меру
лжи, которой счастливо верил.
Ложечкой согнись на кровати.
Некому берёзу заломати.

Карниз

Весь город у меня как на ладони.
Снимаю шляпу – больше нет помех.
Карниз – моё спасенье от погони.
Отгалкиваюсь и шагаю вверх.

Внизу мелькают улицы и крыши,
внизу провалы удивлённых ртов.
А я лечу всё выше, выше, выше
и выхожу из мокрых облаков.

Над низенькими серыми полями,
над бесконечной серой пеленой,
над горизонтом сереньких желаний
хрусталик солнца тёплый и живой.

Здесь воздух полон синего простора
и огненные блики на руках.
Здесь выше облаков немые горы.
И звёзды ближе, и неведом страх.

Но не хватает краски на палитре,
и не закончен затяжной прыжок.
Убогими словами злой молитвы
встречаю розовеющий восток.

Мне встречный ветер ломает крылья,
плеснёт предсмертным холодом в душе.
Захлёбываясь душной чёрной пылью,
пробью асфальт в последнем вираже...

Нет правды на земле, но нет и выше.
Солидный горожанин всё поймёт:
опять здесь сумасшедший прыгнул с крыши.
Уже четвёртый за последний год.

Вопросник

Был бы клоуном, было бы проще
получать каждый раз по носу.
Тут же водку пьёшь еженощно,
задавая себе вопросы.

Ты какого, простите, хера
ждёшь, что всё обернётся прошлым?
Ври себе, но и знай же меру:
ничего уже нет хорошего.

Вот зачем ты опять повёлся
на намёк, что не всё потеряно?
Сколько было таких же вёсен —
тех, расстреливающих доверие?

Там, напротив, живётся скушно,
там всегда и бездонно правы.
Ты не понял, что ты игрушка?
Мальчик для битья и забавы.

Это с Крымом всё очень просто:
раз – и радость у всех с лихвою.
У тебя ещё есть вопросы?
Зря. Мы можем прийти с конвоем.

А зачем же? За что? Не важно.
Там не спрашивают, там всё просто.
Ты пустая деталь пейзажа,
аппендектovidный отросток.

Ты в расчёт не берёшься вовсе,
зря не тешь себя искушеньем.
У тебя ещё есть вопросы?
Нет. Но нет уже и спасенья.

#

Когда зелёным и тревожным
покроется весенний лес,
ты выйдешь в двери осторожно,
чтоб достучаться до небес.

Ты станешь бить во все пределы,
звенеть ключами и вопить.
А никому не будет дела.
И пить. Осталось только пить.

Папироска

Угости, братишка, папиросой сладкой —
мой кисет пустой уже давно.
В госпитале, помню, бился в лихорадке,
а курить хотелось всё равно.

Вот спасибо. Чиркни – мне-то несподручно.
А богатый у тебя «Казбек».
Я был раньше тоже как пила – двуручный,
а теперь из гвардии калек.

Ничего, прорвёмся. Не в окопах, верно?
Сам-то где, летёха, воевал?
Третий Украинский, в роте инженерной?
То редуктор, то, блядь, коленвал?

Ладно, слава богу, третий год мы дома,
третий год, как кончилась война.
Расскажу тебе, товарищ незнакомый,
как приснилась мне моя страна.

Будущее, в общем, год какой, не знаю,
но лет тридцать вроде как прошло.
Веришь, до сих пор там наш товарищ Сталин
истребляет мировое зло.

Сам его не видел, только на портретах
как живой и даже не старик.
Музыка в квартирах – чисто оперетта.
Как сказал однажды мой комбриг...

Ладно, это после. Слышь-ко, а машины!
«Студебеккер» рядом не стоял.
Если бы ты видел, что там в магазинах,
то на раз и пить бы завязал.

Все кругом гвардейцы, даже пионеры —
как так это вышло, не скажу.
Пусть теперь завидуют псы-миллионеры
Запада такому виражу

Родины советской, что сумела сказкой
стать, негнушимся гвоздём.
И там, веришь, новый молодец кавказский,
как я понял, быть готов вождём.

Ну, американцы нам враги, хоть тресни,
те ещё союзнички, ага.
В будущем, ты знаешь, вновь они воскресли
в образе привычного врага.

Давят на Россию, прямо как сегодня,
прямо как и не прошли года.
И Европа эта, мировая сводня,
шурудит, не ведая стыда.

Люди, как и нынче, в том далёком годе
сталинским традициям верны.
Правда, вот не понял: с Украиной вроде
мы там в состоянии войны.

Как-то непонятно, будто с перепоею —
век такому в жизни не бывать...
Мало ль что приснится, дело-то такое —
сон же ведь, едрёну твою мать.

В общем, не напрасно мы три года с лишком
защищали родную страну.
Что, уже выходишь? Будь здоров, братишка.
Папироску дай еще одну.

Эпитафное

Вы сдохнете. Ах, вы оскорблены?
Ну хорошо, не сдохнете – помрётё.
В постели, под печальный свет луны,
или на встречной, врезавшись в «тойоту».

Не важно. Мне до вас и дела нет.
Я это к слову – в общем, беспричинно.
Презрев сегодня промискуитет,
задумался случайно о кончине.

Своей, конечно, хрена ль ваша мне?
Так вот, я сдохну рано или поздно.
(Тут надо бы о порванной струне,
о том, что захлебнутся криком звёзды

и прочую фальшивую фигню,
но лень, и скучно, и бесперспективно).
И лишь последних несколько минут
заставят обернуться объективно.

Ну, что? Да ничего, такую жизнь
не принято описывать в романах.
Ага, давай ширей карман держи,
что вдруг найдётся хроникёр гуманный,

биограф твой, посмертный милый друг,
исследователь бытия поэта.
Который понапишет много букв
о том, как приключалось то и это.

Как ты пришёл к вершинам мастерства,
как жил, любил и тяжело работал...
Увы, судьба жестока и черства,
ей похую твои гомозиготы.

Уж лучше сам, покуда полон сил,
покуда не лежу на смертном ложе.
Ну да, я, в общем, милым в детстве был,
что о себе сказать здесь всякий может.

Потом, конечно, стало похужей,
но и не так чтоб стал исчадьем ада.
(Тут запросилась рифма «Фаберже»,
а вслед за ней к чему-то и «помада»).

Умел любить, умел и предавать.
Был на войне не шибко знаменитой.
Залазил к разным женщинам в кровать,
мог в одного приговорить пол-литра.

Чего-то там придумывал в башке,
чего-то даже где-то воплощалось.
Бывало, что и нос был в табаке,
бывало, и рубля не оставалось.

Тщеславием излишним не страдал,
зато страдал излишне по химерам.
Когда за мной приедет катафалк,
то в воздухе слегка запахнет серой.

Не оттого, что близок к сатане —
с «Техуглерода» ветерок повеет...
Страна не пожалеет обо мне.
Лишь графоманы строй сомкнут теснее.

Сонетик

Вы далеки, как прошлогодний снег,
как тихий дождь в жарой звенящий вечер.
Отложенная в будущее встреча
останется несбывшейся навек.

Мы пережили самоих себя,
не став друг другу главным и последним
событием. Придуманные бредни
неслись сквозь нас, терзая и губя.

Всё хорошо. Всё кончилось уже.
И новый неразменянный сюжет
сулит начало жизни окончанья.

Тих и спокоен вечер. Бога нет.
Он знает цену неразумных тщет
слепого и конечного отчаянья.

Звонок

Если верить телефону, то звонит Егор Катугин,
только голоса Егора что-то я не узнаю.
У Егора бас примерный, мы его за это любим,
здесь же – ангельская песня, допустимая в раю.

«Здравствуй, – говорит мне песня. – Это я, Смирнова
Белла.

Помнишь, мы на третьем курсе целовались во дворе?»
Как не помнить, было дело. Было дело, было дело,
было дело, было дело, было дело в октябре.

В октябре мы целовались, биохимию не сдали,
и историю не сдали, и ещё чего-то там.
Потому что улетали в неизведанные дали,
там витали в райских кущах, или проще – по кустам.

А с кустов спадали листья, обнажая суть явлений,
и не только суть явлений, но и нежные соски.
Каждый день дарил нам столько всевозможных
откровений,
что смолчать тут было можно, лишь зажав язык в тиски.

А язык не зажимался, потому что не бывает,
что когда кого-то любишь, ты ему не говоришь,
что всего его ты любишь или всю её ты любишь.
И пусть мир к чертям летает, если просто рядом спишь.

Просыпались, просыпали биохимию всё ту же,
и историю опять же, и шатались по кино.
Только петелька сжималась этим временем всё туже,
и в бокале выдыхалось золотистое вино.

И в зачётах разных химий под декабрьской порошей
что-то где-то потерялось – невозможно, навсегда.
Потому что вдруг услышать: «Ты прости меня, хороший,
ты был очень-очень нужным...» Ну, вы поняли всё, да?

Наступал январь свинцовый, уходил февраль тоскливый,
и лишь в марте, только в марте стало можно вдруг дышать.
И Катугин отряхнулся, стал привычным и ленивым:
сколько можно у соседей острые ножики держать?

А потом всё стало проще, жизнь тянулась незаметно,
без особых потрясений и каких-то страшных бед.
Это трубка телефона, это не Егор, конкретно.

Это просто райский голос...
«Извини, не помню. Нет».

Скрепочка

Пока на амвоне дворцового храма
шуты извивались смешно и нелепо,
в башке короля колотилось упрямо:
«Духовная скрепа, духовная скрепа».

И вроде бы всё, как и прежде, толково —
колышется рожь, умножается репа.
А вот на душе отчего-то хуёво,
там где-то зудится духовная скрепа.

В народе какая-то злобность во взгляде,
толчётся в безверье он глупо и слепо.
Придворные – суки, в правительстве – бляди.
Единственный выход – духовная скрепа.

Духовник кивнул, выражая прискорбность,
зять выпил за тему поллитру с прицепом:
«Король, ну их на, сунь им в жопу соборность
и выверни матку духовною скрепой».

Бездельники, эмо, фейсбук, экстремисты,
певцы безобразья от рока до рэпа,
тусня, бандерлоги и иеговисты —
по каждому плачет духовная скрепа.

И скрепа проснулась. Поправив завивку,
она поднялась, величаво-свирепа,
зевнула – и ёбнула всем по загревку.
Она была строгой, духовная скрепа.

Король рассуждал с бутылём «Цинандали»,
камин разжигая наколотой щепой:
«Ништяк козью морду мы им показали?
Запомнят надолго. Не правда ли, скрепа?»

Бурьян. Колокольни. Казаки. Дружины.
Значок ГТО. Православье. Вертепы.
Герои труда. Справа бронемашина.
На флаге рейхстага – духовная скрепа...

Я был в этом городе. Вечером снежным
стоял он без шуток, без мата, без света.
Рекламой отелей встречали приезжих
мертвецкие склепы, мертвецкие склепы.

Ожог

Бог-курильщик затягивается папиросой
перед тем, как выдохнуть облака,
что ложатся чуть ниже речных утёсов
и слегка качаются. Лишь слегка.

Запах дыма таёжного – запах Бога,
благодатный жар на краю земли.
Так сжигается бережно то небольшое,
что сберечь по глупости не смогли.

Выгорают лиственницы и болота,
сухостой и редкие солонцы.
Это просто такая работа —
по живому резать: Бог – публицист.

Докурив, вниз бросая святой окурочек,
насылая народишку глад и мор,
он не в гневе, он строго и мрачно будничен,
как заштатный в районном суде прокурор.

«Как? За что?» Не трудись познанием
неизвестного. Просто знай,
что сгорает безудержно в этом пламени
то, что ад. Но и то, что рай.

А под вечер, когда уже выжжено лишнее,
дождик брызнет, последний пожар поправ.
Бог – курильщик. Он возится с фотовспышкой.
И плевать ему на минздрав.

Хорошие пьески

Башлык

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сашка, Шура, Саня – студенты журфака.

Таня, Наташа – их сокурсницы.

Корсунский – комсомольский вожак курса.

Галина Петровна – мать Наташи.

Глеб Алексеевич – парторг факультета.

Степан – водитель водовозной машины.

Полковник Чучалин – начальник военной кафедры.

Действие происходит в крупном областном центре и его окрестностях в начале 80-х годов прошлого века.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Большая комната деревенского общежития, плотно заставленная койками. Посередине длинный стол со стоящими вокруг табуретками. По радио хор имени Пятницкого поёт песню «Некому берёзу заломати». В углу на кровати с ногами сидит Сашка, что-то пишет в тетрадь.

Сашка (бормочет): Перепутанный мир в сознании... Перепроданный Бог, переструганный идол... Перечёркнутый круг... Хрень какая-то.

Протирает очки с выпуклыми линзами, встаёт, подходит к столу, наливает чай в эмалированную кружку из большого алюминиевого чайника, выключает радио. На крыльце раздаются шаги, в комнату входят Саня, Шура, Корсунский, Степан, снимают куртки и ватники, рассаживаются за столом.

Шура: Спасибо, Сашка, накормил. Там, кроме макарон, в запасе на кухне нет ничего, что ли?

Сашка: Это ты девчонкам спасибо говори, моё дело воду натаскать да дров нарубить.

Саня: Шура, ты ж с голоду пока не пухнешь? Послезавтра колхоз обещал мяса подогнать, отъедемся.

Корсунский (Сане): Ты, между прочим, как командир, этот вопрос давно уже должен был решить с председателем. У нас студенты нормальным питанием не обеспечены. А это, знаешь, добром может не кончиться.

Саня: Иди в жопу, проглоти, на тебя не напасёшься. Правда, одно доброе дело ты сегодня учинил. Экое чудо в перьях притащил! (Все, кроме, Сашки, смеются. Степан неуверенно улыбается, грея руки о кружку с чаем).

Сашка: И чего там такого смешного в клубе приключилось?

Шура: Приключился известный гипнотизёр Валентин Стадниченко. «Товарищи, сегодня я вам расскажу об удивительном действии гипноза на наше подсознание. Прошу выйти на сцену добровольцев, желающих приобщиться к тайнам психики...» Ой, не могу! А Стёпато, Стёпа!

Степан: Да ладно вам.

Корсунский: Нормальный мужик, кстати. Он со своими гипнотическими опытами в политехе два дня подряд выступал – в большой аудитории геофака плюнуть негде было. Я в райкоме комсомола его из-под носа у медиков увел.

Саня: Представляешь, выходят на сцену десять наших чувих, тётки там колхозные и Стёпа. Гипнотизёр им говорит: «Сцепите руки на затылке, закройте глаза. Когда я досчитаю до десяти, руки вы разжать не сможете». Досчитал. Тётки руки опустили, плюнули и со сцены ушли. Один Степан стоит, дёргается, тут он его в оборот и взял: подошёл, ладонью в лоб легонько толкнул. «Вы, – говорит, – теперь у нас Наполеон!»

Шура: Стёпа руками махал, маршировал, по-французски что-то кричал. Мы там на пол все сползли от хохота...

Входят Таня и Наташа.

Таня: К вам можно, мальчики? Ржёте, как кони, на другом конце деревни слышно.

Сашка: Чего, скучно на танцах?

Наташа: Скучно. Девчонки сами с собой танцуют, ваши грузчики портвейн пьют в палисаднике. Ты бы, Саня, им внушение сделал какое.

Саня: Не маленькие. Работать не смогут, тогда получат... Погодите, мы сейчас Степана попытаем, чего он там ощущал, когда Наполеоном был. А, Стёпа?

Степан: Да так, видения всякие. Пушки чё-то там стреляли, солдаты бегали, карта какая-то на барабане лежала. Я плохо помню... Может, к Фролихе за самогоном сходить?

Шура: Не надо, у нас есть. Правда, Корсунский?

Таня: И когда ж вы только напьётесь, мальчики-поэты?

Корсунский (доставая бутылку из-под кровати): «Выпьем, бедная подружка доброй юности моей. Выпьем с горя, где же кружка?» Кружка где, говорю? Давай все к столу. (Наливает, выпивают.)

Наташа: Это он ещё фамилию твою, Стёпа, не знал. А так был бы ты послан в Иране и отбивался бы от злобных персов.

Сашка: Кричал бы: «Карету мне, карету!» Вот тебе твой «зилок» бы и подогнали.

Степан: Да его никто, кроме меня, и не заведет ни в жисть... А сколько у Наполеона войск в подчинении было?

Саня: Чёрт его знает. Битва при Бородино, битва при Березине, битва при Ватерлоо – много народу положил.

Степан: Так он нормальный мужик был или навроде Гитлера?

Шура: Ну, ты хватил. Гитлер – это одно, а Наполеон – совсем другое. Бонапарт вроде как поприличнее... Да и хрен с ним, давайте еще по одной. (Выпивают.)

Корсунский: Послезавтра первокурсники приезжают. Надо бы встречу организовать.

Саня: Так у нас всё готово: две большие комнаты на втором этаже, кровати уже стоят. Разместим – и вперед, на трудовой фронт. Экономика должна быть экономной!

Сашка: Мы придем к победе коммунистического труда!

Таня: Партия – наш рулевой!

Корсунский: Алексеева, ты не уподобляйся. И вообще, держись лучше приличных людей, а не этих оболтусов.

Шура: Точно, у приличных людей всегда самогон есть значенный, а у нас он никогда не задерживается.

Идет к себе на кровать, берет гитару. Таня подсаживается к нему.

Степан: А кто такой Мюрат?

Саня: Да ладно тебе. Давай лучше допьем. (Допивают.)

Шура (поёт): «Там, где клён шумит над речной волной, говорили мы о любви с тобой...»

Сашка: Не мучай инструмент. (Отбирает гитару, играет гораздо более умело. Поют хором «Клён».)

Корсунский: Во сколько машина утром будет, Сань?

Саня: В семь. К вечеру уже первокурсников доставишь.

Корсунский: Вы тут придумайте всё-таки чего-нибудь. Завтра выходной, время есть. Могут люди из райкома приехать – они давно грозились посмотреть, как мы молодежь в свой коллектив принимаем. Сам понимаешь, чтобы не просто мешки в руки – и работать, а как-

нибудь творчески. Приём, так сказать, в студенческое журналистское братство. Пусть Шура нарисует стенгазету, что ли, а Сашка стихи приличествующие напишет.

Саня: Не волнуйся, сделаем всё... Стёпа, ты пошёл? К среде воду нам не забудь привезти.

Степан: Когда я забывал?.. А чем гренадёры от уланов отличаются?

Наташа: Они все, Стёпа, были очень-очень красивые... Тань, пойдём – Степан нас до общаги проводит.

Степан: Бывайте здоровы, студенты.

Уходит с Таней и Наташей, по-наполеоновски заложив руку в телогрейку.

Корсунский: Давайте отбиваться, что ли. Вы там, чуваки, потише базлайте. И без вас грохоту будет, когда остальные после танцев заявятся.

Корсунский и Саня укладываются спать. Шура зажигает керосиновую лампу, ставит её на стол, гасит верхний свет. Подсаживается за стол к Сашке.

Шура: Ну, чего накопал за дежурство?

Сашка: Да бред какой-то. Сразу покатило: все строчки с «пере-» начинаются. Сыро всё ещё, но послушай:

Переменный ток, переменная жизнь,
Перемена школьная первая.
Переменный слог, перевёрнутый лист, —
Перевёрнутый напроць, наверное.

Перекошенный луг, перепаханный лог,
Перепутанный мир в сознании.
Перекупленный друг, перепроданный Бог,
Перепроданный кем-то заранее.

Пережитком дождь переходит грань
Перемены меж ливнем и моросью.
Перманентный вождь предвещает брань
Пересвета с ордынской волостью.

Перебита кость, перепит сосед,
Переезжена линия встречная.
Переспавший гость поношает вслед
Переростка с вопросами вечными.

Пероральный смог поражает мозг
Перепадами настроения...
Перезревший сок, перегретый воск,
Перебитое поколение.

Перейду на Вы. Переход – ничто,
Переход – пешеходово творчество.
Перехода, увы, не заметит никто.
Одиночество, одиночество.

Фигня, по-моему.

Шура: Зря ты, старый. Отлично, завидую. Как назвал?

Сашка: «Переход».

Шура: Вообще здорово. У меня так никогда не получится.

Сашка: Да брось ты. На гитаре же уже получается...

Шура: А «пероральный» – это что?

Сашка: Медицинский термин. Когда таблетку пьёшь, ты пьёшь её перорально. Per os – через рот. Латынь, брат.

Шура: Бр-р. У меня от латыни и сейчас мурашки по коже. «Barbara non facit philosophum». А тут еще и медицинская... Да Бог с ней. Чего там Юрка говорил про торжественную встречу первокурсников?

Сашка: Что нужно её устроить в трогательном, но строгом студенческом духе. Типа, Gaudeamus им исполнить.

Снаружи доносится гул многих голосов.

О, наши голубчики заявили. Давай укладываться, а то они до утра гужеваться будут. (Задувает лампу.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

В университетском кабинете за преподавательским столом сидят Глеб Алексеевич и Корсунский. Напротив стоят Саня, Шура и Сашка. За дверью томятся Таня и Наташа, иногда пытаясь подслушать, о чем идет разговор.

Сашка: Да не так всё было, Глеб Алексеевич! Вы нам лишнего не шейте.

Глеб Алексеевич: Лишнего?! Вы, господа хорошие, устроили самую натуральную идеологическую диверсию, понимаете? Вы покрыли позором стены этого факультета, всего университета! Это, по-вашему, лишнее? Читай дальше, Корсунский.

Корсунский: «...Затем командир сельхозотряда провёл первокурсников в комнату, где висели якобы работы псевдодекабриста Перловича, изображающие, в частности, картину повешения руководителей восстания на Сенатской площади, нарисованных в форме параллелепипедов...»

Глеб Алексеевич: Кому вообще могла прийти в голову эта дикая идея о том, что (смотрит в бумаги) «декабрист, поэт, художник-параллелепедист Лев Давидович Перлович был сослан царским режимом в село Большие Синяки, переименованное впоследствии в Подгорное»? Кто был автором сего глумливого пасквиля?

Саня: Я.

Шура: И я.

Сашка: Это было коллективное творчество.

Глеб Алексеевич: Благородные рыцари. Мушкетёры. Один за всех и все за одного. Ну-ну. (Корсунскому.) Дальше, дальше.

Корсунский: «...После посещения мифического музея организаторы политической провокации повели студентов с зажжёнными факелами почтить несуществующую могилу Льва Перловича с заранее установленным на кладбище гранитным камнем с соответствующей надписью...»

Шура: Не на кладбище, а только к ограде. И скальный обломок этот там всегда лежал. Мы просто его ото мха отскребли и...

Глеб Алексеевич: И ты, как известный рисовальщик, начертил на нём даты рождения и смерти «декабриста Перловича». Вы хоть понимаете всю низость своего некрофильского поступка? А если бы вот так твою фамилию кто-то нарисовал на надгробном камне? Твою, вполне себе здравствующего молодого, хоть и недалёкого ума человека?

Саня: Так не было же никогда никакого Льва Давидовича Перловича, мы его выдумали. Чью память-то здесь кто оскорбил?

Глеб Алексеевич: Историческую память народа. Народ не простит вам глумления над подвигом декабристов. Тем более что к факельному шествию, очень похожему на фашистское, по дороге присоединялись и не подозревающие о гнусной провокации колхозники. Сельские труженики приняли этот идиотский фарс за чистую монету. Мало того, вы на несанкционированном митинге убеждали жителей Подгорного направить письмо в обком партии с коллективной просьбой об увековечивании памяти декабриста Перловича путем переименования села в Перловку. Это откровенный цинизм, товарищи, осквернение идеалов. Несогласные, понимаешь, нашлись. Народ, повторюсь, вам этого не простит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.